

С.Н. Травкин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НУМИЗМАТИКИ И ИСТОРИИ СТАРОГО ОРХЕЯ (ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД)

S.N. Travkin. Some Problems of Numismatics and History of the Old Orhei (Golden Horde Age)

The paper is based on the Golden Horde numismatic evidence and reflects a complex and contradictory history of monetary circulation on the territory of the Old Orhei. The author underlines that the monetary circulation and life on this settlement seem to cover a more extensive period than the dawn of the town itself.

Монеты являются одним из наиболее информативных и разнообразных источников по истории стран средневековой Европы. Они способны нести информацию о развитии экономики, культуры и политики. Монеты, выявленные на территории любого города, являются своеобразным посланием к городу и миру. Они отражают все те многочисленные взаимосвязи, которые обуславливали формирование денежного рынка и торговых маршрутов.

Особое место среди археологических и нумизматических материалов на юге Восточной Европы занимает коллекция средневекового памятника Старый Орхей в Молдавии. Это обусловлено количеством имеющихся материалов и их полнотой. Не претендуя на всеобщий охват обширной коллекции с этого городища и еще более обширной информации, которую она несет, хотелось бы рассмотреть несколько важных, на наш взгляд, вопросов из истории этого поселения. В свое время, благодаря любезному согласию автора раскопок П.П. Бырни, мне удалось ознакомиться с частью монет из Старого Орхея, хранящихся в Музее Института археологии и этнографии АН РМ (пользуясь случаем, считаю своим долгом выразить благодарность за это сотруднице музея А.И. Никулицэ, оказавшей непосредственную помощь в работе над данными нумизматическими материалами). Знакомство с указанной коллекцией заставило задуматься над некоторыми вопросами истории Старого Орхея и монетного обращения на его территории.

Историю Старого Орхея принято делить на два относительно самостоятельных периода: золотоордынский и молдавский. В свое время это послужило основой даже для своеобразного историографического памятника: тремя авторами было опубликовано фактически единое исследование под одним названием, но в виде двух монографий, которые различались толь-

ко подзаголовком: «Золотоордынский период» и «Молдавский период» (Абызова, Бырня, Нудельман 1981; 1982). Подобное деление вполне оправдано, и мы позволим себе воспользоваться им, рассмотрев только золотоордынский период в истории Старого Орхея.

Важнейшими вопросами по истории золотоордынского периода Старого Орхея являются время и обстоятельства его возникновения, средневековое название этого поселения, хронология его упадка и исчезновения. Наиболее простым может показаться вопрос о времени и обстоятельствах возникновения этого города.

В письменных источниках не нашло отражения строительство золотоордынского города, превратившегося позднее в городище с названием Старый Орхей. Но обширная нумизматическая коллекция, которая включает в себя значительное число медных номиналов, позволила исследователям сделать целый ряд довольно решительных выводов и заявлений о достаточно поздней датировке золотоордынского поселения на месте городища Старый Орхей (не ранее 40-50-х гг. XIV в.).

В уже упоминавшейся коллективной работе авторы делают следующее заключение о времени появления джучидских монет на этом поселении: «Период их первоначального проникновения вряд ли можно отнести к последним годам правления Токты. Об этом свидетельствует не только ничтожно малое число находок монет Токты в Старом Орхее, но и амплитуда хронологического диапазона их хождения на денежных рынках Золотой Орды (монеты Токты неоднократно зарегистрированы даже в составе кладов, зарытых в XV в.). На малую вероятность синхронного проникновения монет Токты в Старый Орхей указывают исследования С.А. Яниной на Царевском городище, где прослеживается аналогичная Старому Орхею ситуация с находками монет этого

хана» (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 82-83; Янина 1970: 194-222). В соответствии с этим, начало «регулярного притока» монет Золотой Орды на рассматриваемый памятник датируется «лишь со второй половины 40-х гг. XIV в.» (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 83).

Похожей точки зрения придерживается и последняя по времени публикации работа о городах низовьев Днестра и Дуная. В частности ее автор Н.Д. Руссев отмечает: «Монеты, выпущенные до воцарения Джанибека, считаются в Старом Орхее случайными, анахронизмом денежного обращения»; и обращает внимание на то, что подавляющее большинство монет середины XIV столетия относится к чеканке трех лет - 751, 752, 753 гг. хиджры. (Руссев 1999: 37, 38-39). Подобное наблюдение позволяет ему сделать достаточно интересные выводы исторического характера. При этом Н.Д. Руссев особо подчеркнул, что на этапе «с середины XIV в. до конца 60-х гг.» происходил «бурный рост ордынских городов Кодр — опять-таки на новом месте» (Руссев 1999: 160-161). Дополнительным основанием для подобных утверждений в монографии Н.Д. Руссева может служить таблица погодичного распределения монет XIII - XIV вв. из Старого Орхее, в которой на долю наиболее ранних монет 679-710 гг. хиджры приходится не более 0,341% от общего числа монет (Руссев 1999: 180).

Основные положения и выводы названных авторов выглядят достаточно убедительными. Действительно, подавляющее большинство монет Золотой Орды, найденных в Старом Орхее, по времени своей чеканки относятся к 50-60-м гг. XIV в. При этом массовое распространение медных монет не может быть датировано ранее 751-753 гг. Хиджры (то есть 1350/1351 - 1352/1353 гг. от Р. Х.). Можно согласиться и с выводом о том, что бурное городское строительство началось на памятнике именно в это время. Однако вызывает достаточно сильное сомнение то, что город был основан «на новом месте». Нам кажется крайне интересным рассмотреть возможность существования на этом памятнике «догородского» периода. В связи с этим представляется необходимым остановиться на некоторых «странностях» монетного обращения на территории Старого Орхее и Бессарабии в целом в конце XIII - первой половине XIV вв.

В коллекции Старого Орхее нам известно не более 3 монет, выпущенных в конце XIII - начале XIV вв. Из них одна является серебряным дирхемом хана Токты 710 г. х., а две - анонимными медными пулами с тамгой рода Бату в треугольной рамке. Медные экземпляры имеют плохую сохранность. Достаточно ясно на них можно разобирать только оригинальный тип оформления тамги. Датированы они А.А. Нудельманом на основании работ С.А. Яниной 1280-1310 гг. (Нудельман 1985: 106; Янина 1954: 432-434). Однако в более поздней своей

статье С.А. Янина изменила свое мнение о хронологии чеканки этой группы монет: не отрицая близости этих монет к достоверным чеканкам XIII в., она отнесла время их выпуска после реформы 710 г. х., то есть к началу XIV в. (Янина 1960: 210-211). Исследования последних лет по ранней нумизматике Золотой Орды рассматривают данную группу пулов среди монет XIII в. (Сингатуллина 1998: 61, 75). Все это позволяет, по нашему мнению, отнести медные монеты с тамгой Бату в треугольной рамке по времени чеканки к правлению Токты. В этом случае встает вопрос о времени появления монет этого хана в Старом Орхее.

Период обращения и момент чеканки часто не совпадают для многих типов монет. Особенно характерно это в тех случаях, когда место чеканки и территория хождения монет разделены значительным расстоянием. Максимальной величины этот разрыв достигает для золотых и серебряных номиналов. Период обращения медных монет в подавляющем большинстве случаев более привязан к моменту чеканки и менее обширен в своих границах. Подобное явление достаточно распространено в золотоордынской нумизматике, в частности и для монет конца XIII - начала XIV вв.

Монеты хана Токты действительно известны в кладках до XV в. включительно, более того, они известны и в комплексах XVI-XVIII вв. (Федоров-Давыдов 1960: 168-179). Однако обращает на себя внимание состав этих монет: все они являются серебряными дирхемами. Медные монеты Токты, вероятно, обращались в гораздо более узких рамках (и, к сожалению, гораздо реже попадали в кладки). Об этом свидетельствуют прежде всего материалы с золотоордынских городищ: на относительно поздно возникших Селитренном и Царевском городищах дирхемя XIII - начала XIV вв. встречаются очень редко, а медь представлена только единичными экземплярами или отсутствует (по данным некоторых авторов) вообще (в связи с этим представляется интересным сравнить информацию о нумизматических коллекциях данных памятников в работах Евстратова 1997: 111; Федоров-Давыдова 1963: 167; Яниной 1970: 196). При этом обращает на себя одна важная особенность нумизматических материалов с этих городищ: непрерывность монетного ряда.

Золотоордынские монеты XIII в. на городищах в Восточной части Золотой Орды всегда имеют своих преемников первой половины XIV в.: чеканки Узбека и Джанибека. Особенно наглядно это явление выглядит при составлении таблиц (например: Федоров-Давыдов 1963: 165). Это правило относится как к более ранним поселениям, существовавшим еще в XIII в., так и к городам, возникшим уже в XIV в. Подобная ситуация достаточно объяснима: монеты начинали попадать в землю с момента возникновения рынка. При этом часть монет могла

предшествовать по времени чеканки дате появления данного рынка, так как в исходный момент в торговле должны были ходить ранние монеты, которые поступали на новое торговое место в одном потоке с более современными чеканками. В этом случае образуется относительно непрерывная хронологическая последовательность монет от современных к более древним. Действительно, трудно представить ситуацию, когда из обращения ушли бы ранние монеты Узбека, но остались чеканки XIII в. Подобная непрерывность должна была особенно ярко прослеживаться для медных монет, которые по своей природе менее склонны к неожиданным путешествиям во времени и пространстве, чем номиналы из драгоценных металлов.

Интересно отметить, что рассмотренная нами ситуация полностью подтверждается на материалах с золотоордынских городищ Бессарабии: Костешт и Белгорода на Днестре. Например, в Белгороде, несомненно, имеются джучидские монеты XIII в. Об этом свидетельствуют как единичные находки (не менее 3 экземпляров, из которых 2 медных), так и состав кладов: в комплексе, найденном в 1904 г., насчитывалось 3263 монеты Тулабуги (1287-1290), Токты (1290-1312) и подражаний им; а в коллективной находке начала XIX в. не менее 5 дирхемов Токты. Но следом за монетами XIII в. в коллекции из Белгорода идут дирхемы и пулы Узбека (1313-1339) и Джанибека (1339-1357) (Булатович 1986: 117-118; ОАК за 1904 г.: 121; Федоров-Давыдов 1960: 132). Совершенно иная обстановка сложилась в Костештах. Вероятно, это городище возникло достаточно поздно. В связи с этим в известных нам публикациях и музейных коллекциях отсутствуют джучидские монеты XIII в., которые были бы найдены на территории этого памятника. Хронологический ряд золотоордынских монет этого поселения начинается монетами Узбека и продолжается чеканками Джанибека и ханов 60-х XIV в. (Полевой 1969: 146-161; Полевой 1979: таблица - вклейка 13; материалы Музея Института археологии и этнографии АН РМ).

Рассмотрим теперь ситуацию в Старом Орхее. В коллекции с этого памятника есть три монеты Токты, а следом за ними идут чеканки Узбека и Джанибека. На первый взгляд, полученная картина полностью соответствует сделанным нами ранее выкладкам. Однако нумизматический пейзаж резко меняется, если разделить монеты по металлу. Серебряные дирхемы сохраняют относительно стройную картину преемственности Токты, Узбека и Джанибека. Однако медные номиналы Узбека отсутствуют полностью, а ранние пулы Джанибека встречаются крайне редко. (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 81). В рассмотренной нами коллекции из Старого Орхее из 991 медной джучидской монеты только 13 экземпляров достовер-

но относится к типу пулов с двуглавым орлом (Материалы Музея Института археологии и этнографии АН РМ).

В хронологическом ряду медных золотоордынских монет из Старого Орхее существует разрыв более чем в 30 лет. При этом распределение медных монет Джанибека создает впечатление о том, что в середине XIV в., в период массового наплыва джучидских монет в Центральную Бессарабию, анахроническим (или «старым») элементом денежного потока выступали именно пулы с двуглавым орлом, а не более ранние чеканки. Иначе трудно объяснить отсутствие медных монет Узбека «промежуточного» периода. Подобная ситуация в монетном обращении может быть достаточно легко объяснена, если вспомнить исторические реалии XIV в. на Нижнем Днестре и Дунае.

В конце XIII в. темник Ногай попытался создать новый политический центр на западе Золотой Орды. Однако эта смелая попытка потерпела неудачу, и Ногай был разгромлен. При этом политическая ситуация на территории к западу от Днестра для первых десятилетий XIV в. остается достаточно неясной. В средневековой и современной историографии существует несколько точек зрения о государственных границах на западе Золотой Орды в начале правления Узбека. Возможной нам кажется гипотеза и о подчинении земель между устьями Днестра и Дуная власти Второго Болгарского царства. Формы этого подчинения могли быть самыми разнообразными: от прямой аннексии до получения владений на правах вассалитета от хана Золотой Орды (Коновалова, Руссев 1988: 33-43). Подробное рассмотрение данного весьма интересного вопроса выходит за рамки нашего исследования. Однако необходимо признать, что после смерти Ногай в районе Нижнего Дуная и Днестра произошло несомненное ослабление активности Золотой Орды.

Изменениям политической ситуации в начале XIV в. полностью соответствуют нумизматические материалы, обнаруженные между Днестром и Дунаем. Концом XIII в. или рубежом XIII - XIV вв. на этих землях датируется два клада из Белгорода-Днестровского (Аккермана) и один комплекс из Измаила (Булатович 1986: 117-118; Руссев 1999: 218). Период правления Узбека представлен в тезаврациях гораздо слабее: только одним кладом из 8 дирхемов. Но и этот клад вызывает определенные сомнения в своей достоверности, так как в исходной публикации его место находки указано весьма приблизительно («Бессарабия»), а местом хранения назван Государственный Музей Татарской ССР (Федоров-Давыдов 1960: 153, 192).

В противоположностькладам, материалы единичных находок не дают столь яркой картины упадка монетного обращения между Нижним Днестром и Дунаем в правление Узбека: среди них даже преобладают монеты Узбека

(см. например: Нудельман 1976: 135-150). Но, возможно, здесь общий пейзаж смазан поступлением поздних чеканок Узбека в одном потоке с номиналами Джанибека в середине XIV в.: материалы единичных находок в большинстве случаев не позволяют даже приблизительно определить время обращения монет.

Рассматривая единичные находки, необходимо отметить, что на достоверно ранних памятниках, имеющих закрытые комплексы XIII и первой половины XIV вв., ситуация совершенно иная. Например, в курганах у Тирасполя из 12 целых джучидских монет 11 относятся к чеканке Тулабуги и Токты и только 1 Узбека, а из 21 фрагмента ни один не может быть достоверно отнесен к монетам Узбека (Гошкевич 1930: 104). При этом общее количество монет Узбека, найденных между Днестром и устьем Дуная, явно уступает в численности чеканкам его предшественников. Вероятно, можно согласиться с мнением Л.Л. Полевого о том, что «к первым десятилетиям XIV столетия относятся немногочисленные единичные находки монет, свидетельствующие о слабом денежном обращении» (Полевой 1988: 11-12).

Таким образом, отсутствие в Старом Орхее медных золотоордынских монет первых десятилетий XIV в. полностью соответствует общей исторической и нумизматической ситуации между Днестром и Дунаем в это время. Однако подобное распределение монет почти полностью исключает возможность поступления медных пулов Токты в одном потоке с более поздними чеканками. В результате всего этого необходимо признать, что крайне малочисленные медные монеты конца XIII и начала XIV вв. попали на территорию Старого Орхее вскоре после их чеканки или во всяком случае, до начала массового обращения пулов Узбека. Но тогда мы будем вынуждены признать, что на месте золотоордынского городища Старый Орхей существовала полоса обитания уже в конце XIII - начале XIV вв. Подобная гипотеза кажется нам вполне допустимой, так как рассматриваемый памятник расположен относительно близко от Днестра и менее чем в 100 километрах от уже упоминавшихся курганов близ Тирасполя, содержавших достоверные материалы XIII в. Остается неясным соотношение материалов (и жителей) XIII в. с более поздним поселением. Однако сам факт присутствия каких-то материалов XIII в. свидетельствует о том, что золотоордынский город возник не на «пустом» месте и имел каких-то предшественников в «предгородской» период поселения.

Дальнейшая судьба Старого Орхее отразилась в нумизматических коллекциях гораздо более полно и ярко. Распределение медных джучидских монет по времени их чеканки достаточно ясно свидетельствует о том, что массовое их появление произошло в середине XIV в. Основными центрами распространения были

города Поволжья, прежде всего Сарай ал-Джедид. Особенно важно при этом отметить, что интенсивный приток монет продолжался очень короткий промежуток времени: всего несколько лет (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 81-82; Руссев 1990: 118-136). Дискуссии и споры могут происходить только о более конкретной датировке и причинах этого процесса. Частично этот вопрос нами уже упоминался ранее. Необходимо, однако, отметить, что постепенно в исторической литературе произошло изменение взглядов по этой теме.

В более ранней работе Л.Л. Полевой отмечает, что: «медные золотоордынские монеты староорхейской коллекции укладываются в рамки конца 40-х—середины 60-х гг. XIV в.». При этом он упоминает о том, что большинство анонимных пулов с цветком имеют дату 753 г. х. (=1351/1352 г. от Р. Х.). (Полевой 1956: 80). С.А. Янина в своей статье о монетах Шехр ал-Джедиды делает замечание о том, что «выпуск монет 752 г. х. во много раз превосходит в количественном отношении монеты выпуска 753 г. х.» (Янина 1977: 207).

Точка зрения А.А. Нудельмана претерпела определенные изменения по этому вопросу, в которых чувствуется влияние как Л.Л. Полевого, так и С.А. Яниной. В 1976 г. А.А. Нудельман указывал на то, что в Старом Орхее (Требуженях) среди медных анонимных монет Золотой Орды было 18 экземпляров 751 г. х., 27 монет 752 г. х., 197 пулов 753 г. х. и 33 60-х гг. XIV в., кроме того, непосредственно к чеканке Джанибека было отнесено 26 монет 751 г. х., 31 - 752 г. х., 40 - 753 г. х. (Нудельман 1976: 140). В более поздней коллективной монографии А.А. Нудельман дает несколько иное соотношение медных джучидских монет середины XIV в. в Старом Орхее: от имени Джанибека 27 экземпляров 751 г. х., 38 - 752 г. х., 44 - 753 г. х., анонимный чекан представляют 28 монет 751 г. х., 106 - 752 г. х., 53 - 753 г. х., 4 - 760 г. х., 19 - 761 г. х. (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 81). Соотношение между медными монетами 752 и 753 г. х. совершенно поменялось, но ни в монографии, ни в более поздних работах нам не встречалось развернутого объяснения этому явлению. Фактически А.А. Нудельман отказался от датировки большинства пулов с цветком 752 г. х., которую выдвинул в своей ранней статье Л.Л. Полевой. Одновременно с этим А.А. Нудельман сохранил почти без изменений время массового появления джучидских монет в Старом Орхее: «со второй половины 40-х гг. XIV в.». (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 83). Таким образом, частные изменения в хронологии монет не повлекли за собой глобальных исторических выводов.

В работах Н.Д. Руссева наблюдается зеркально обратная ситуация. Н.Д. Руссев в своих исследованиях вплоть до последнего времени использует информацию монографии 1981г.

(Руссев 1999: 197). Однако одновременно с этим данный автор относит время миграции золотоордынского населения в регион (предположительно принесшего с собой джучидские монеты) между 751 и 753 г. х. (1350/1351 - 1352/1353 гг. от Р. Х.), а функционирование городской культуры в Старом Орхее и Костештах 50-60-ми гг. XIV в. (Руссев 1990: 135; Руссев 1999: 149), то есть на 5 - 8 лет позднее, чем это предполагал А.А. Нудельман.

В связи с указанными противоречиями значительный интерес представляет мнение П.П. Бырни и Т.Ф. Рябой, которые попытались совместить две точки зрения. В частности они отмечают, что город на месте Старого Орхее начал существовать «примерно с конца 40-х гг.» XIV в. и пережил два периода расцвета, первый из которых относится к середине 50-х гг. XIV в. (Бырня, Рябой 1996: 20).

Различия в соотношении медных монет середины XIV в. в работах разных авторов, возможно, были вызваны плохим качеством чеканки и сохранности этих монет. В уже упоминавшейся нами коллекции Музея Института археологии и этнографии из 737 пулов с изображением цветка 414 экземпляров полностью стерты или не имеют даты, 7 достоверно датируются 751 г. х., 41 - 752 г. х., 185 - 753 г. х. а 10—60-ми гг. XIV в. Пулы с цветком сопровождают 13 монет с изображением двуглавого орла и более поздние чеканки 60-х гг. XIV в. Приведенные цифры, вероятно, могут быть уточнены при более подробном изучении медных монет с применением штемпельного их анализа. Различия в один год, возможно, не имеют принципиального значения, однако весьма показательны и позволяют предположить, что точкой отсчета для массового распространения джучидских монет в Старом Орхее были 1350-1353 гг. от Р. Х. Одновременно указанные разногласия заставляют рассмотреть взгляды разных авторов на механизм появления золотоордынского города и джучидских монет на территории Старого Орхее.

Л.Л. Полевой, не рассматривая этот вопрос подробно, связывал появление золотоордынских городов в центральной части Днестровско-Прутского междуречья (Старого Орхее и Костешт) с целенаправленной деятельностью ханской администрации и практикой насильственного переселения, известной в Золотой Орде. (Полевой 1979: 30). Похожей точки зрения придерживаются и авторы коллективной монографии по Старому Орхее, которые связывают появление этого города с деятельностью хана Джанибека (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 89). Совершенно особое место занимает мнение Н.Д. Руссева, который попытался связать появление городов в центральной Бессарабии с эпидемией чумы, охватившей Европу в середине XIV в. По его мнению, жители городов Поволжья бежали на западную границу Золотой

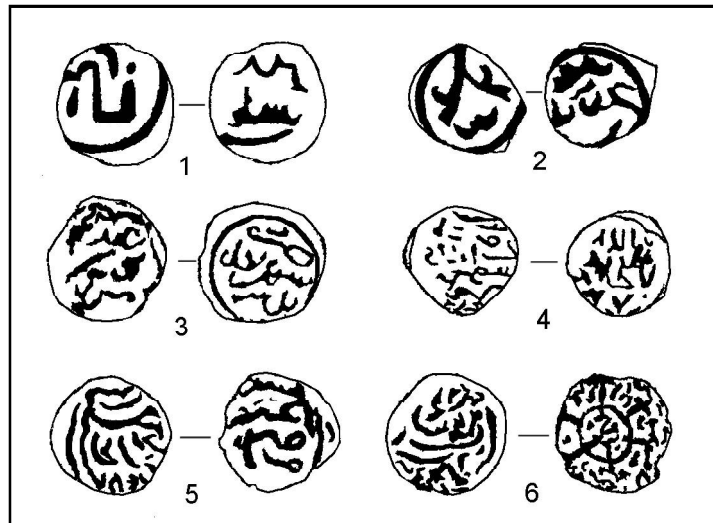
Орды, спасаясь от «Черной смерти» (Руссев 1999: 46-58). Перечисленные точки зрения достаточно оригинальны и обоснованы, однако необходимо отметить, что, возможно, они не противоречат друг другу. Влияние эпидемии чумы на процесс перемещения населения нельзя отрицать, но одновременно с трудом можно поверить, что подобное массовое передвижение налогоплательщиков могло происходить без санкции верховной власти. Окончательное решение данного вопроса станет возможно только в том случае, если будут найдены достаточно ясные письменные источники (например, надписи на могильных камнях или памятные знаки в городе).

Появление на месте Старого Орхее золотоордынского города и массового обращения джучидских монет является важным моментом в его истории. Следующим по значимости и хронологии является вопрос об имени этого поселения и чеканке в нем монет. В Старом Орхее известно несколько типов золотоордынских монет, возможно, выпускавшихся на его территории или в ближайших окрестностях. Назовем наиболее вероятных кандидатов в хронологическом порядке по времени их чеканки: подражания пулам с цветком, монеты Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра, подражания этим монетам, монеты типа «Костешты-Гырля I и II».

Подражания пулам с цветком носят явно неоригинальный характер. Об этом говорят грубые, неразборчивые надписи и изображения, а кроме того, относительно низкий вес монет. Место их чеканки точно не известно. Однако, по нашему мнению, оно располагалось на территории Бессарабии, возможно, в Старом Орхее. Основанием для подобного предположения служит хронология притока оригинальных пулов с изображением цветка. Период их активного поступления в Бессарабию был очень коротким (Нудельман 1985: 108 и др.). Следовательно у авторов подражаний не было времени для их чеканки в городах Поволжья. Датироваться эти монеты могут временем после появления пулов с цветком в начале 50-х гг. XIV в., но до начала чеканки монет Шехр ал-Джедида в 60-е гг. XIV в., которые пришли на смену серебряным и медным номиналам середины XIV в.

Подражания пулам с цветком отмечены еще С.А. Яниной в 1977 г. (Янина 1977: 208), но в более поздних работах эти монеты постепенно исчезли из историографии. Например, в монографии о Старом Орхее отмечено «появление ряда локальных имитаций медным столичным эмиссиям» (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 84-85), но при этом в общем списке монетных находок они отсутствуют (там же, 81-82). В обобщающей монографии А.А. Нудельмана похожая ситуация: бегло упомянуто о существовании «ряда локальных имитаций медных столичных эмиссий» (Нудельман 1985: 108), но нет

Рис. 1. Некоторые типы монет золотоордынского периода из Бессарабии 1, 2—медные монеты «Костешты Гырля I и II»; 3—медная монета Шехр ал-Джедид; 4—серебряный дирхем Шехр ал-Джедид (770 г.х.); 5—подражание медной монете Шехр ал-Джедид; 6—подражание медной монете с изображением цветка.

ни подробного анализа этих монет, ни статистики их находок. В более поздних работах о монетном обращении и истории Бессарабии данная группа вообще не рассматривается или отождествляются с монетами типа «Костешты Гырля I и II». (Полевой 1988: 7-19; Руссев 1990: 119; Руссев 1991: 41-46, 60; Руссев 1999: 214).

Неясным остается вопрос о том, кто выпускал данные подражания. Наиболее простым ответом может служить гипотеза о работе фальшивомонетчиков. Однако нельзя исключить и другую возможность: чеканка имитаций могла происходить по инициативе местных (например, городских) властей, которые пытались смягчить нехватку мелкой монеты. В этом случае представляется весьма вероятным чеканка данных монет именно в Старом Орхее, так как он занимал видное положение среди золотоордынских городов Бессарабии во второй половине XIV в.

В 60-е гг. XIV в. господствующее место на рынке Старого Орхее заняли монеты Янги-Шехра и Шехр ал-Джедид. Они полностью преобладают над другими джучидскими монетами этого времени в коллекции из Старого Орхее, а среди медных номиналов их количественное преимущество является абсолютным (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 81-82). Вследствие этого подобные монеты рассматриваются значительной частью современных исследователей как продукция монетного двора Старого Орхее. Обращает на себя внимание объединение в одну группу монет, имевших два разных названия и места чеканки. Основанием для этого послужило то, что в обоих случаях название города переводится (с тюркского и арабского) как «Новый город», и его принято рассматривать, как имя одного города (Янина 1977: 193-212). При этом первый вариант известен только на дирхемах, а второй как на дирхемах, так и на пулах.

Легенды данных монет всегда сделаны арабским шрифтом. На подавляющем боль-

шинстве монет (и на всех дирхемах) отсутствуют какие-либо изображения живых существ или предметов, но встречается орнамент. Качество надписей на дирхемах постепенно ухудшается, а на пулах было низким почти на всех экземплярах. На одной стороне дирхемов в 765-766 гг. х. (1363/1364-1364/1365 гг. н.э.) указаны титул и имя хана, на другой место и дата чеканки. В 767-769 и 770 гг. х. имя хана исчезло, хотя все его титулы сохранились: на месте имени хана появилась дата чеканки, перенесенная с реверса на аверс (Янина 1977: 195-199). Переходным типом были дирхемы с именем хана и датой на одной стороне. На поздних дирхемах появились новые титулы: в 768 г.х. «шейх», а в 769-770 гг. х. «эмир» (Николае 1999: 142-144). При этом название города Янги-Шехр использовалось только на дирхемах 765-766 гг. х., а Шехр ал-Джедид в 766-770 гг. х., т.е. частично пересекаясь и сменяя друг друга. На пулах с одной стороны помещена надпись со спорным прочтением, а с другой обозначено место чеканки (всегда Шехр ал-Джедид) без обозначения даты чеканки.

Наиболее полный обзор этих монет сделан С.А. Яниной, которая доказывала, что город Шехр ал-Джедид следует отождествлять с городом Старый Орхей в Бессарабии (Янина 1977). Эту точку зрения поддерживает целый ряд других исследователей (прежде всего молдавских) (Абызова, Бырня, Нудельман 1981; Бырня 1984: 33; Нудельман 1985; Руссев 1990: 121). Она сохраняет господствующее положение в историографии до сих пор. В частности, в своей монографии о городах XIII - XIV вв. в низовьях Дуная и Днестра Н.Д. Руссев отмечает: «данная трактовка сегодня может быть признана единственно удовлетворительной, вопреки другим, едва ли более убедительно обоснованным версиям...» (Руссев 1999: 37).

Гипотеза, выдвинутая С.А. Яниной, представляется нам достаточно обоснованной. Однако необходимо отметить, что она не являет-

ся единственной и неоспоримой. Первый по времени исследователь этих монет - Х.Д. Френ разместил Шехр ал-Джедид в Янгкенте в двух днях пути от Аральского моря (Френ 1832: 43). После выхода работы С.А. Яниной собственную точку зрения выдвинул В.Л. Егоров. Он связал название Шехр ал-Джедид с Кучугурским городищем на Днепре. Основанием для этого ему послужили данные археологии и изучение исторической ситуации во второй половине XIV в. на юге Восточной Европы (Егоров 1985: 84-85).

В последние годы спор о географии Шехр ал-Джедида получил свое дальнейшее развитие в работах А.П. Григорьева и В.А. Сидоренко. А.П. Григорьев разместил Янги-Шехр на месте средневековой итальянской гавани Провато в Крыму. При этом он опирался на письменные источники и данные о монетах Янги-Шехра, якобы отчеканенных в 765 г. х. от имени хана Кильдибека (Григорьев 1994: 30-34). Однако используемые А.П. Григорьевым нумизматические материалы вызывают определенное сомнение в своей достоверности (Сидоренко 1999: 149). Подтвердить или окончательно опровергнуть мнение А.П. Григорьева, вероятно, сможет только публикация достаточно обширной нумизматической коллекции с территории Провато.

В.А. Сидоренко, основываясь на особенностях политической борьбы в Золотой Орде за власть во время «Великой замятни», попытался доказать, что: «в период раздела власти с Муридом, Абдаллах продолжает чеканку в Сарае ал-Джедид, переименованном в тюркское Шехр (город, страна) с прежним арабским эпитетом ал-Джедид («новый»), или равнозначным тюркским - Янги» (Сидоренко 1999: 151). Данное предположение достаточно оригинально, однако подобное переименование должно было отразиться в массе письменных источниках. Кроме того, известные нам монеты Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра явно концентрируются значительно западнее Волги (и, следовательно, Сарая).

По мнению автора из всех перечисленных гипотез точка зрения С.А. Яниной представляется наиболее аргументированной, так как она опирается на значительную концентрацию монет Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра на территории Бессарабии и прежде всего Старого Орхее. Однако необходимо отметить, что в последнее время появилась информация, возможно, частично подтверждающая мнение В.Л. Егорова. Прежде всего это относится к обнаружению дирхема Шехр ал-Джедида в погребении из могильника Мамай-Сурка на территории Запорожской области (Украина). Особое значение здесь имеет то, что тип монеты, найденной у Днепра, не известен С.А. Яниной. (Ельников, Локарев 1997: 64, 68). Кроме того, автору удалось познакомиться с частной коллекцией

монет, найденных на территории Запорожской области (в значительной части на Кучугурском городище). В состав этой коллекции входил целый ряд медных джучидских монет второй половины XIV в., в том числе и типичных пулов Шехр ал-Джедида (визуальное определение автора). Интересно при этом отметить, что владелец коллекции относил к чеканке Шехр ал-Джедида несколько весьма спорных типов медных монет, которые не известны нам на территории Бессарабии. К сожалению, в силу технических причин автор не смог визуально изучить фонды Запорожского областного музея, включающих в себя весьма обширную нумизматическую коллекцию.

Материалы с территории Украины заставляют обратить внимание на один весьма важный и почти забытый в последнее время момент. В фундаментальной статье С.А. Яниной описан один тип медных монет Шехр ал-Джедида из фондов Государственного Эрмитажа, который не известен в Старом Орхее и на территории Бессарабии в целом. На одной стороне этих монет типичная для пулов Шехр ал-Джедида надпись с обозначением места чеканки, а на другой изображение зверя (Янина 1977: 207).

В связи с упомянутыми нумизматическими материалами необходимо отметить одно весьма важное методологическое предложение, выдвинутое И.В. Евстратовым для локализации мест чеканки монет Золотой Орды. И.В. Евстратов выдвинул следующую гипотезу: «Золотоордынский город, известный как место чеканки монет, следует локализовать на том конкретном городище, на котором встречается различных типов медных монет, чеканенных в этом городе, равно как и частота встречаемости большинства из них, выше, чем на других городищах» (Евстратов 1997: 95). Основанием для этого мнения послужила весьма распространенная в Золотой Орде практика целенаправленного распространения значительных масс монет (в том числе медных) из центров чеканки на окраины. Подобный механизм обычно подразумевается для распространения монет полчиной чеканки (Сарая), однако его нельзя полностью исключить и для региональных политических центров, особенно в период «великой замятни» и фактического распада Золотой Орды на отдельные части.

С.А. Янина локализовала Шехр ал-Джедид на месте Старого Орхее, опираясь на концентрацию на нем находок монет данного города (прежде всего медных) (Янина 1977). Однако если учесть поправку, предложенную И.В. Евстратовым, и типы монет (в том числе медных), отсутствующие в Старом Орхее, тогда гипотеза С.А. Яниной не будет выглядеть столь неоспоримой и удовлетворительной.

Разногласия по поводу локализации Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра на территории

Молдавии или Украины могут быть усложнены еще одним дополнительным обстоятельством. До сих пор в процессе спора был почти упущен один важный момент: монеты Шехр ал-Джедида известны в Бессарабии не только в Старом Орхее. Они представлены еще в Костештах и Белгороде-Днестровском (Аккермане). С.А. Янина делала свои выводы, основываясь на материалах Старого Орхее, но данный памятник подвергся наиболее полному изучению. Нумизматические коллекции Костешт и Белгорода уступают материалам Старого Орхее уже в силу масштабов археологических работ. В связи с этим возникает вопрос: на каком из золотоордынских городищ Бессарабии находился город Шехр ал-Джедид? Этот вопрос тесно связан с двумя другими вопросами: когда и при каких исторических обстоятельствах началась чеканка монет Шехр ал-Джедида и распространение их на территории Старого Орхее и Бессарабии в целом?

Хронология чеканки в Шехр ал-Джедиде (Янги-Шехре) может быть установлена по датам на дирхемах из этого города. Первоначально дирхемы этого города датировались 765 - 769 г. х. (1364/1365 - 1367/1368 гг. Р. Х.) (Янина: 1977). В настоящее время известны дирхемы 770 г. х. (Материалы музея с. Сесены; Николае 1999: 143). Пулы Шехр ал-Джедида не имеют дат. Время их выпуска с монетного двора можно определить только на основании косвенных источников: вероятно они выпускались одновременно с дирхемами во второй половине 60-х гг. XIV в.

Рассматривая данную группу монет очень важно отметить одну особенность пулов Шехр ал-Джедида: они должны были заменить, а не дополнить более ранние медные монеты Золотой Орды. Об этой характерной черте свидетельствует факт перечеканки части пулов с изображением цветка в монеты Шехр ал-Джедида. В рассмотренной нами коллекции Музея Института археологии и этнографии АН РМ среди 130 медных монет Шехр ал-Джедида не менее 11 экземпляров относятся к числу перечеканенных. Их число может возрасти если к ним добавит сомнительные или спорные монеты. В любом случае мы имеем дело не со случайным явлением, а с целенаправленной акцией, вероятно, санкционированной какой-то властью (центральной, местной или просто городской).

Начало чеканки монет Шехр ал-Джедида (Янги-Шехра) принято связывать с временным перемещением орды Абдуллаха (Мамаея) за Днестр (Янина 1977: 208-209) или с татарским князем Деметрием (Дмитрием), известным по венгерской грамоте 1368 г. и сообщению летописей о разгроме трех татарских предводителей у Синих вод литовцами в 1362 г. (Параска 1981: 102-103; Николае 1999: 143).

По нашему мнению, обе версии событий не

противоречат друг другу. Однако обращает внимание на себя то, что их авторы стремятся привязать чеканку монет в Бессарабии к одному правителю или событию, соответственно размещая ее только в одном городе. Это противоречит значительному разнообразию нумизматических материалов и сообщениям письменных источников о разгроме Ольгердом в 1362 или 1363 г. в битве при Синих Водах именно ТРЕХ татарских князей (Кутлуби, Хаджибея и Дмитрия), из которых по крайней мере один был позднее и, возможно, правил возле устья Дуная (Параска 1981: 102-103). Подобное стремление к моноцентризму не соответствует и наличию на востоке Бессарабии (в районе концентрации рассматриваемых монет) не менее трех достоверных золотоордынских городищ: городища Старый Орхей, Костешты и Белгород (Бырня 1984: 32-33). Другие золотоордынские города находятся либо к западу от области, где были сконцентрированы монеты Шехр ал-Джедида (на Дунае: Килия, Вичина и т.д.), или на восток от Днестра на землях современной Украины. При этом число монетных типов явно приближается к количеству золотоордынских городов на востоке Бессарабии: 2 типа дирхемов (Янги-Шехра и Шехр ал-Джедида); и 3 типа пулов (Шехр ал-Джедида и типа «Костешты-Гырля I и II»).

Значительное разнообразие нумизматических материалов с территории Бессарабии в целом и из Старого Орхее в частности явно соответствует данным археологии и летописей. Можно предположить, что чеканка началась в разных городах, частично дополняя и сменяя друг друга в связи с изменениями политической обстановки на западе Золотой Орды. Нельзя исключить и того, что время и место чеканки монет Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра могли и не совпадать. Подобное предположение подтверждается своеобразным пересечением, но не совпадением дат на дирхемах. Представляется вполне возможной чеканка монет в двух рядом расположенных городах, имевших похожие названия и единый ареал монетного обращения. При этом максимальная концентрация монет Шехр ал-Джедида на территории Бессарабии была достигнута в Старом Орхее. В уже упоминавшейся нами коллекции Музея Института археологии и этнографии АН РМ из 991 пула Золотой Орды 130 относилось к чеканке Шехр ал-Джедида. В Белгороде из 89 медных джучидских монет Шехр ал-Джедиду принадлежал 21 экземпляр (включая подражания) (Булатович 1986: 117). В Костештах из 118 известных нам джучидских монет только 1 достоверно относится к чеканке Шехр ал-Джедида.

На основании всего этого можно сделать вывод о том, что Старый Орхей на территории Бессарабии и в настоящее время является наиболее вероятным кандидатом на место Шехр

ал-Джедида. Однако остается открытым вопрос о золотоордынских городищах на территории современной Украины, нумизматические материалы с которых могут принести весьма неожиданные сюрпризы. Вероятно окончательно спор о локализации Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра может быть решен только после публикации достаточно обширной коллекции монет с Кучугурского городища и других золотоордынских поселений на территории современной Украины или обнаружения надписей с именем Шехр ал-Джедида или Янги-Шехра.

К собственно монетам Шехр ал-Джедида примыкают подражания им. Интересно отметить, что известны подражания как серебряным, так и медным номиналам. Первой их рассмотрела С.А. Янина на основании коллекций Государственного Исторического музея в Москве и материалов из Старого Орхея (Янина 1977: 199, 206). Количество их, по нашему мнению, в общей массе монет было относительно маленьким. Выделение данной группы монет среди медных номиналов затруднено плохим качеством оригинальной чеканки, однако сам факт их наличия не вызывает сомнений. В рассмотренной нами коллекции было не менее 3 подобных подражаний (Материалы Музея Института археологии и этнографии АН РМ: N 397, 719, 1028). Остается не совсем ясным место и время чеканки этих подражаний. Можно предположить, что они были выпущены непосредственно сразу же за чеканкой оригинальных монет и в районе их наиболее активного обращения.

Важной особенностью монет Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра была нарастающая тенденция к исчезновению знаков общегосударственного единства. Эта тенденция сохранилась и в следующей группе «местных» джучидских монет из Старого Орхея: медных монетах типа «Костешты-Гырля I и II». Они являются крайне малочисленными в Старом Орхее: например, в уже упоминавшейся коллекции выявлено только 9 экземпляров данных монет.

Внешний вид и технология изготовления резко отличают монеты типа «Костешты Гырля I и II» от всех других джучидских монет из Старого Орхея. Они несут на себе с двух сторон нечитаемые арабские надписи и делятся на 2 типа по наличию или отсутствию тамгообразного знака нетипичной для Золотой Орды формы. Особо необходимо отметить, что на этих монетах отсутствуют какие-либо знаки зависимости от ханов Золотой Орды. Изготовлены монеты «Костешты-Гырля I и II» на неровных кружках, вырезанных из тонкого медного листа, а качество чеканки крайне небрежно. Похожие тонкие монетные кружки известны среди джучидских пулов Азака и Старого Крыма, но изображения на них полностью отличаются от монет «Костешты Гырля I и II» (Фомичев 2000: 71-72).

Впервые данная группа монет была рассмот-

рена в 1969 г. Л.Л.Полевым в статье о поселении Костешты (Полевой 1969: 146-148). Данному автору принадлежит и деление этих монет на два типа. Однако в более поздних публикациях информация об этих монетах весьма противоречива. В статье С.А. Яниной данная группа нумизматических материалов специально не упоминается (Янина 1977: 193-213). В более поздних работах самого Л.Л. Полевого эти монеты преимущественно проходят под обтекаемым названием «местный чекан XIV в.» (Полевой 1979: таблица 13) или вообще не упоминаются среди монет «местного чекана» (Полевой 1988: 14).

А.А. Нудельман в статье о нумизматических материалах из археологических раскопок 1972-1973 гг., сообщает о находке 5 монет типа «Костешты-Гырля I и II» в Старом Орхее (Нудельман 1974: 197). Однако в итоговой монографии по Старому Орхею в списке находок эти монеты вообще не упоминаются (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 82-83). Можно предположить, что они отнесены к пулам Шехр ал-Джедида (всего 252 экземпляра). В обобщающей монографии о монетном обращении между Днестром и Прутом А.А. Нудельман со ссылкой на консультацию С.А. Яниной прямо отождествляет типы «Костешты I» и «Костешты II» с подражаниями монетам «Нового города» (Нудельман, 1985: 98).

Однако необходимо отметить, что С.А. Янина в свое время опубликовала не менее 4 типов подражаний пулам Шехр ал-Джедида, однако все они весьма заметно отличаются от монет типа «Костешты-Гырля I и II» (сравни Янина 1977: 206; фототаблица 15-16; Полевой 1969): не говоря о различиях в надписях, на монетах Шехр ал-Джедида нет тамгообразных знаков, а монетные кружки изготавливались из расплющенной проволоки. Представляется весьма сомнительной чеканка подражаний принципиально отличавшихся от оригиналов почти по всем основным характеристикам (характер надписей, особые знаки, технология изготовления). Таким образом, говорить о монетах типа «Костешты-Гырля I и II» как о подражаниях пулам Шехр ал-Джедида кажется неправомерным.

У других исследователей также можно встретить разнообразие мнений по этому вопросу. Например, С.А. Булатович среди прочих нумизматических материалов из Белгорода на Днестре называет и «местный чекан типов Костешты-Гырля I и II середины XIV в.» При этом на одной странице перечисляются «местный чекан по типу Шехр аль-Джедида» «по типу Костешты-Гырля I и II» и «подражания местному чекану Шехр аль-Джедида», как равноправные группы монет (Булатович 1986: 117). Однако в дальнейшем С.А. Булатович, рассматривая монетное обращение Белгорода, не выделяет данные монеты в особую категорию находок.

Из местных чеканок упоминается только «чекан Нового города и подражания ему» (Булатович 1986: 117-119). В результате этого непонятно, что подразумевается под монетами «Костешты Гырля I и II»: особый тип монет или еще один вид подражаний пулам Шехр ал-Джедида.

Складывается впечатление, что монеты «Костешты-Гырля I и II» исчезла под вуалью пулов Шехр ал-Джедида и подражаний им. Объяснение этому следует искать в особенностях историографической ситуации: подавляющее большинство найденных материалов и опубликованных работ связано с исследованиями в Старом Орхее. Например, С.А. Янина из нумизматических материалов Бессарабии учитывает только монеты из Старого Орхее, которые дополнены коллекциями из других республик СССР (ГИМ, ГЭ, ГИМ ТАССР) (Янина, 1977). Сходная ситуация существует и с обобщающими работами А.А. Нудельмана, который основывался прежде всего на находках с этого памятника (около 78% всех единичных находок) (Нудельман 1985). Огромная коллекция Старого Орхее оказывает на исследователей подавляющее воздействие.

Но в материалах Старого Орхее монеты «Костешты-Гырля I и II» очень редки и почти полностью исчезают среди многочисленных чеканок Шехр ал-Джедида и подражаний им. Ситуация на других золотоордынских памятниках Бессарабии существенно отличается от Старого Орхее. Например, в Костештах монеты типа «Костешты-Гырля I-II» являются одной из наиболее многочисленных групп нумизматических материалов (Полевой 1969: 146-161). Место их чеканки остается точно не известным, но можно предположить, что оно находилось на одном из городищ, где концентрируются их находки.

Сложным остается вопрос о времени чеканки и обращения данной группы монет. Л.Л. Полевой отмечал, что они найдены совместно с медными монетами 30-60 гг. XIV в. и обращались одновременно с ними (Полевой 1969: 147-148). В 1970 г. эти монеты были обнаружены в одном комплексе с дирхемами Узбека и пулами Джанибека (Нудельман 1975: 96; Булатович 1986: 117). Отсутствие находок этих монет с более ранними материалами позволяет считать, что они появились не ранее второй половины XIV в. Но грубый и явно безграмотный вид этих монет позволяет предположить, что они были выпущены после прекращения чеканки других джучидских монет в Бессарабии в период упадка золотоордынской культуры, то есть в последней трети XIV в. (возможно, после 1370 г.). Еще одним свидетельством этого может быть своеобразная техника чеканки из медных листов.

Спорным остается время прекращения чеканки монет «Костешты-Гырля I и II». В на-

чале XV в. территория Бессарабии вошла в состав Молдавского княжества. Вероятно, эту дату и можно считать абсолютной верхней хронологической границей. Конкретная дата исчезновения монет «Костешты-Гырля I и II», вероятно, располагалась между 1370 и 1400 гг. При этом интересно отметить, что между монетами типа «Костешты-Гырля I и II» и чеканками Молдавского княжества имеется определенное сходство: и те, и другие выпускались на монетных кружках, вырезанных из листа металла. Складывается впечатление, что данная группа монет была деньгами эпохи упадка Золотой Орды в Бессарабии, а возможно, и перехода к новому этапу в истории Старого Орхее и Бессарабии в целом.

Заканчивая рассмотрение золотоордынского периода в истории Старого Орхее нельзя хотя бы кратко не коснуться еще двух вопросов: об иноземных монетах XIV в. на его территории и о завершении монетного обращения под властью Золотой Орды. В нумизматической коллекции Старого Орхее насчитывается не менее 8 монет XIV в., которые не принадлежали к чеканкам Золотой Орды: 1-Индии, 5-Чехии и 2-Галицкой Руси под властью Польской короны (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 86-87). Вопрос о возможности их обращения на территории золотоордынского поселения в настоящее время может решаться только на основе монетных кладов с соседних территорий.

Наиболее простым этот вопрос представляется для монет Индии. Они являются достаточно типичным элементом денежного обращения Золотой Орды в XIV в. Ближайшие аналогии золотой монеты Дели 752 г. х., найденной в Старом Орхее, имеются в 2-х кладах: Брээшты (Румыния) и Симферополь (Крым). Первый из них датирован рубежом XIV и XV вв., а второй — 60-ми гг. XIV в. (Нудельман 1975: 99; Крамаровский 1992: 37). Появление золотых монет из далекой Индии на территории Золотой Орды было связано с торговлей и разницей обменного курса золота на серебро в разных странах Евразии (Мухамадиев 1983:74-76). Рассматривая золотые номиналы, нельзя исключить возможность их позднего появления, однако в данном случае представляется весьма вероятным, что индийская монета попала в Старый Орхей еще под властью Золотой Орды.

Находки 7 европейских монет можно разделить на три хронологические группы. В первую входят два медных денария Казимира III (1333/1349-1370) для Галицкой Руси, во вторую — 1 пражский грош Иоанна I (1310-1346), в третью — 4 пражских гроша Вацлава IV (1378-1419). Галицкие денарии Казимира III были отчеканены на территории Восточной Европы в городе, широко известном своими связями с Северным Причерноморьем. При этом период обращения медных монет не мог быть слишком продолжительным. Основываясь на этом

можно предположить, что они поступили в Старый Орхей вскоре после своей чеканки, то есть еще при власти Золотой Орды. Сходная ситуация и с монетами второй группы: пражские гроши на юго-западе Руси признавались платежным средством уже во второй половине XIV - начале XV вв. (Соболева 1998: 178). Кроме того, на левом берегу Дуная было найдено золотоордынское погребение, содержавшее пражский грош Иоанна I (Добролюбский, Субботин, Сегеда 1987: 88-89). Следовательно, у нас есть все основания предполагать, что подобные монеты могли поступать в золотоордынский город на месте Старого Орхей уже в XIV в. Сложнее всего оценить положение грошей Вацлава IV, так как они чеканились относительно поздно: частично даже после смерти Вацлава IV (Соболева 1998: 179). Вероятно, пражские гроши Вацлава IV нельзя отнести к денежному рынку Старого Орхей. В целом необходимо признать очень слабое поступление иноземных монет на территорию Старого Орхей в золотоордынский период.

Массовый приток «стандартных» золотоордынских монет, вероятно, прекратился в 1370 г., когда закончилась чеканка монет Шехр ал-Джедида. Поступление иноземных монет в Старый Орхей, как мы видели, было крайне незначительным. На этом основании принято завершать историю золотоордынского города на месте Старого Орхей концом 60-х гг. XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

- Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1981. Древности Старого Орхей. Золотоордынский период. Кишинев.
- Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1982. Древности Старого Орхей. Молдавский период. Кишинев.
- Булатович С.А. 1986. Джучидские монеты из Белгорода-Днестровского // Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV в.). Киев.
- Бырня П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV – начало XVI в.). Кишинев.
- Бырня П.П., Рябой Т.Ф. 1996. Золотоордынский город XIV в. в Днестровско-Прутском междуречье (по материалам городища Старый Орхей) // Древнее Причерноморье. III чтения памяти профессора П.О. Карышковского. Одесса.
- Гошкевич В.И. 1930. Погребения, датированные джучидскими монетами // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії Наук. Ч. 4-5. Секція археологічна. Одесса.
- Добролюбский А.О., Субботин Л.В., Сегеда С.П. 1987. Золотоордынское погребение у Дуная // Днестровско-Дунайское междуречье в I-начале II тыс. н.э. Киев.
- Евстратов И.В. 1997. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южно-русских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897-1997). Саратов.
- Ельников М.В., Локарев С.К. 1997. Золотоордынские монеты из могильника Мамай-Сурка // Новая парадигма. Вып. 5. Запорожье.
- Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. 1988. О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев.
- Крамаровский М.Г. 1992. Индийский динар из Солхата // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции 25-28 февраля 1992 г. СПб.
- Мухамадиев А.Г. 1983. Булгаро-татарская монетная система XII-XIV вв. М.
- Николае Е. 1999. Две монеты финальной стадии золотоордынского господства к западу от Днестра // Stratum, N 6, Кишинев-Одесса-СПб.
- Нудельман А.А. 1975. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV- начале XVI вв. // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев.
- Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет. АКМ, вып. 8. Кишинев.
- Нудельман А.А. 1985. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев.
- ОАК за 1904 г. — Отчет императорской Археологической комиссии за 1904 г. 1907. СПб.

или 1370 г. (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 87-88, 90; Руссев 1999: 149, 160-161). Однако необходимо отметить, что прекращение новых монетных поступлений еще не значит исчезновения всего денежного обращения. Старые монеты могли ходить еще какое-то время после завершения официального монетного чека на или подвоза новых монет. Косвенно об этом могут свидетельствовать подражания пулам Шехр ал-Джедида и монеты «Костешты-Гырля I и II». Обе эти категории нумизматических материалов носили явные следы кризиса денежного рынка и нехватки разменной монеты. Представляется маловероятной их чеканка в период активного поступления в Старый Орхей монет Шехр ал-Джедида: подделывать медные монеты или подражать им имело смысл только при их явной нехватке. Можно предположить, что данные две группы монет завершили свое обращение между 1370 и 1400 гг., завершая короткую, но яркую историю золотоордынского города на месте Старого Орхей.

На основании всего ранее сказанного можно сделать вывод о достаточно сложной и противоречивой истории монетного обращения на территории Старого Орхей в золотоордынский период. При этом особенно хотелось бы подчеркнуть, что монетное обращение и жизнь на этом поселении, вероятно, охватывали несколько более обширный период, чем расцвет самого города.

- Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1956. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старый Орхей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 66. М.
- Полевой Л.Л. 1969. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946-1959 гг.) // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1988. Международная Черноморская торговля и социально-экономическое развитие Днестровско-Карпатских земель во второй половине XIII-XIV в. (по материалам истории товарно-денежного обращения) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев.
- Руссев Н.Д. 1990. Возникновение городов Поднестровья XIV в. в свете нумизматических материалов // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.
- Руссев Н.Д. 1991. Городские центры Днестровско-Дунайских земель и Золотая орда (моменты и ареалы эволюции) // Молдавский феодализм. Кишинев.
- Руссев Н.Д. 1999. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII - XIV вв. Кишинев.
- Сингатуллина А. 1998. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. (материалы для каталога) // Татарская археология. N 1 (2). Казань.
- Соболева Н.А. 1998. Первая находка пражского гроша на Новгородском (Рюриковом) городище // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 12. Новгород.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1963. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М.
- Фомичев Н.М. 2000. О группе золотоордынских пулов // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.
- Френ Х. 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб.
- Янина С.А. 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. // Куйбышевская археологическая экспедиция. Т. I. МИА, вып. 42. М.
- Янина С.А. 1960. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 году // Куйбышевская археологическая экспедиция. Т. III. МИА, вып. 80. М.
- Янина С.А. 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959-1962 гг. // Поволжье в средние века. М.
- Янина С.А. 1977. «Новый город» (Янги-Шехр-Шехрал-Джедид) - монетный двор Золотой орды и его местоположение // Труды ГИМ. Нумизматический сборник. Ч. 5, вып. 1. М.